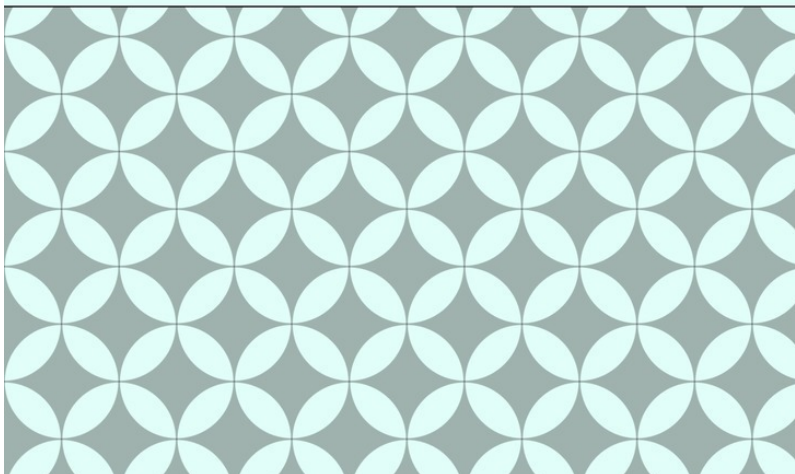

Александр Беляев

*Питерский
ветер*

СТИХИ

Александр Беляев Питерский ветер. Стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22573373

ISBN 9785448361470

Аннотация

В этом сборнике опубликованы по большей части стихи Александра Беляева раннего периода, когда автор проживал в Ленинграде до 1983 года.

Содержание

Облако	6
Вступление	6
Сон	8
Пещера-дом	11
Баллада о шуме	15
О знании и заблуждении	17
Полдень за городом	19
Слияние с природой	20
Первой жене	22
Огненное скерцо	25
Юг или север	27
Визит поэта к своему второму я	28
Вдохновение	30
Воспоминание	32
Когда-то	33
Обращение к осени	35
Моему столу	37
Русалка	39
Великаны и лилипуты	42
О славе	44
Пустота	46
Майский сонет	48
Ничего не случилось	49

Зеркало	51
Расчленитель радуги	54
Полумен	56
Осеннее	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Питерский ветер

Стихи

Александр Беляев

*В них ручеек и лучик солнца
Ненадмогильных эпитафий
В них я, который остается
Не только в глянце фотографий*

© Александр Беляев, 2017

ISBN 978-5-4483-6147-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Облако

(маленькая поэма)

Вступление

Я подвожу черту. Еще одна прошла
Туманной тенью, серым капюшоном.
Разбередив любви сгоревший шлак,
Гляжу ей вслед устало, изумленно.

Как много сказано! Но вереница слов,
Сплетаясь в оскудевшие понятия,
Не сможет сбросить скрывший лик покров,
А станет, как ее второе платье.

Прощай, любимая... я в зеркало гляжу.
Сличаясь с фотографией былою,
Черты похожие, как будто, нахожу,
Но испарились свежесть с чистотою.

Чего-то нет в глазах и складка губ не та,
Не та усмешка... вот и все, пожалуй!
Увы, взрослою, исподволь года
Уж притупили молодости жало.

Осталось мало, разве только, сны,
Они, как прежде, сладостны и зыбки,
Уносят в мир забвенья и весны,
В мир вечной юности, фантастики, улыбки.

Когда полет, когда цветут цветы,
Когда тоска и грезы – воедино
Встречаешь в небе облачко мечты,
С любовью женщины и с обликом Богини

Когда же подступала темнота,
То мне судьба насмешливо твердила,
Что иногда я должен к ней взлетать
Хотя б во сне... и, видно убедила.

Сон

Я засыпаю. Снова этот сон.
Как в дни прошедшие, дни облака и сини.
Передо мной махина, серый тон,
Чужая тайна, вертикаль, пустыня.

Я знаю, этот дом – больной рассказ,
Забвенья мира, забытье кургана,
Какая-то безбрежная тоска
В фасаде студенистого тумана.

О, не обманешь, чувствуя весну
И облачко, что прячет где-то тело
Моей Богини, плечи развернув,
Взлетаю в воздух, медленно, несмело.

И поднимаюсь вверх, вдоль мрачных стен,
Рассматривая серый студень дома,
Любую трещинку по ходу разглядев,
Отметив сырость каждого излома.

Когда ж он кончится?! Вот окна начались,
Я в них гляжу и еле разбираю
Движенья занавесок... или риз —
Наверно сны чужие пролетаю.

Чужие сны, их трудно разобрать,
Они мне чужды, странно их обличье —
Здесь нету чувств, нет зла и нет добра —
Одни лишь формы, спорны, фантастичны...

Как будто лет миллионы пронеслись,
Как будто снов промчалась вереница,
Но вот уж вижу каменный карниз,
Над крышей зависаю, словно птица.

И утопаю в солнечных лучах!
Немного ошалев от моря света,
Вдруг ощутил могучих сил рычаг
И понял, что оставлена планета.

И осмотрев с волненьем горизонт —
Увидел, надо мною разметало
Из тонких паутин сплетенный зонт,
Перечертивший небо, как попало.

Мне не пробиться через их заслон,
Они тонки – но прочны и упруги,
Я понимаю: даже сладкий сон
Не приближает к сказочной подруге.

И я лечу под зонтом паутин,
Чуть-чуть грущу, но, солнцем опьяненный,
Все забываю: милая, прости
Забвение любви неразделенной.

Пещера-дом

Я просыпаюсь. Разомкнув глаза,
Чиркнув по потолкам – во сне ль, спросонья,
Вдруг вижу, словно бездну лет назад
Обитель в духе эры Кроманьена.

Свод закоптило пламя очага,
Наскальные рисунки среди мрака,
Устав во сне преследовать врага
Проснулась прирученная собака.

Тихонечко плечо освободив,
Чтоб милая не чувствовала это,
Нагое тело шкурами прикрыв,
Шагаю к выходу, где брезжит луч рассвета.

Чуть волосы колышет ветерком,
Лица касается рассветная прохлада,
Аврора обласкала горный склон,
Оставив краску утренней помады.

Мир утра, свежесть, неба чистота,
И где-то высоко – штришок несмелый
Ночных видений. Облачко, мечта,
В лучах восхода сказочно алело...

Я загрузил, я вспомнил прошлый сон,
Что обманул ночные ожидания.
Ввысь уходил бездонный небосклон —
Бессмысленна надежда на свиданье.

Себе сказал я: – издали гляди,
С близи женой увидишь, не невестой,
Придет желанье легкого пути,
Земная отвоюет в сердце место.

Ты в ней разочаруешься, глупец,
Лишь приведешь ее в свои трущобы
Забрось подальше таинства венец —
Да не коснется грусть твоей особы!

Ах, если б быть моложе и глупей,
Тогда словам рассудка не внимая,
Я б праздно не раздумывал о ней,
А просто утонул в ее тумане.

Пусть лучше закружится голова,
Пускай туман ласкает нежно руки,
Пускай текут пьянящие слова:
– Забудь печаль, не думай о разлуке...

Забылся я, а облачка наряд
Менял цвета: уж солнце поднималось,
Померкла эфемерная заря
И в ветерке истома зарождалась

А облачко ушло за горизонт
И я не видел, как оно пропало,
Излив себя печальной слезой
На серые безжизненные скалы.

И не пророс среди камней цветок,
Политый освежающе влагой,
И не родился ручейка поток,
Наполненный весельем и отвагой.

.....
– Эй ты, мечтатель, завтракать иди —
Вдруг слышу голос милой из пещеры,
И я бреду ко входу, по пути
Ворча насчет ее дурной манеры.

А впрочем, нет пещеры никакой,
Есть кухня, стол и газовая плитка,
И женщина, которая женой
Себя уже считает по ошибке.

Их было много, так же как и ты,
Они меня по-своему любили,
Но каждая душителем мечты
Однажды становилась, как учили.

.....
А где-то проплывают облака,
Но нету, нету здесь моей Богини...
Среди камней не вымотришь цветка,

В полночной мгле глаза не видят сини.

1976 г.

Баллада о шуме

Двери хлопают! Двери хлопают!
По паркету ноги топают.
Барабанной перепонке не дожждаться тишины —
Децибелы на пределе, жалить уши рождены.

Децибелы обалдели, разлетались над землей,
Залетают в наши двери,
В наши уши и постели,
Словно провод оголенный, нервы стиснули рукой!
Не пора ли на покой?
Хорошо бы над рекой
Погрустить под шепот листьев
Слушать птичьи гам и свисты...

Нервы как напряжены,
Словно выстрелить должны —
Не дожждаться тишины.

А соседи обивают пенопластом потолок,
Двери – с кожаной подушкой,
В уши вставили беруши,
Сердце – в каменный мешок.
Ловко сделали, каналы, обманули целый свет —
Шума – вроде бы как нет.

Говорят, что децибелы
Иссушают наше тело,
Укорачивают жизнь...
Словно инсульт и инфаркт,
Превышение ПДК...

Вашу печень клещи сжали?
Это в стенку застучали!
(Хорошо, что я не псих,
Вот тогда б они узнали,
Каково мне слушать их!)

Ну-ка песню заведу – фортепьянную беду,
Но в ответ в другой квартире
Тоже музыку включили,
Подлецы...

Дом становится вверх дном,
Словно маленький Содом,
Ох уж этот моветон!
Поделом...

1976 г.

О знании и заблуждении

Я не знал, что такое музыка леса,
И не знал, что такое неба лазурь...
Был когда-то я счастлив.
А счастлив сейчас ли?
Мне хотелось попробовать с чашки глазурь,
Был в те дни я не прочь прикурить от заката
И не знал, что роса есть продукт конденсата.

Как манили поляны росяной крупы!
Думал: – бедные люди – настолько глупы!
Для чего им алмазов искристые грани?
Разве хуже росинки с лучами играют?
Только к полдню их кто-то всегда собирает
Почему-то с травинок они исчезают.

Просто стать богачом – лишь проснуться пораньше
И собрать этот жемчуг с зеленых травинок —
Хоть шкатулку игристых алмазных росинок,
И украсить одежду в волшебные брызги,
Нанизать их на нитку в подарок любимой,
Иль с балкона кидать, чтобы люди ловили.

А еще я хотел ранним солнечным утром
Снять со стенки побольше солнечных зайцев,

Чтоб они засверкали меж стиснутых пальцев,
А зимою их выпустить в сумрак квартиры,
Чтобы летним веселием дом осветили,
Чтобы лампы со злости стекло закоптили.

Но сейчас-то я знаю – меня не обманешь,
Что росинки есть водных паров осаждение,
Их игра – есть лишь солнца лучей преломление,
Знаю – неба лазурь – от земной атмосферы,
А вообще-то наш космос – чернее, чем сажа —
Это все нам в учебнике физики скажут.

Был когда-то я счастлив, а счастлив сейчас ли,
Оттого, что я знаю про эти законы?
Видно счастье – не в знанье, оно – в заблужденье,
И в умение видеть сказки рожденье
В каждом солнечном зайчике, в каждой травинке,
Видеть феи улыбку в дрожащей снежинке.

1976 г.

Полдень за городом

Был сумрачный полдень, и мы не ловили
Меж клочьями туч проступающей сини,
Хоть очень хотелось.
Мы что-то друг в друге с мученьем искали
И просто молчали...
Потом говорили —
А надо ли было?
Во мне просыпалось неясное что-то,
Оно выросло
В сознание нежности к этому телу,
В сознание тяги...
Над нами березы печально склонялись...
И не было в мире ни войн, ни насилья,
И матери плачь над умершим ребенком
Услышать мы были бессильны,
Ведь было другое – оно заслоняло жестокости мира.
Стон ожидания...
Но лучше ли знанье
Послушного тела
Неясности наших с тобой отношений?

1977 г.

Слияние с природой

Заря занималась...

И утро рождалось в тумане смятенья,

В тумане сближенья, зачатья, рожденья —

А я не приму никакого решенья!

Я стану природой...

Прости мне, природа, за это вторжение,

Мы вместе разучим твое назначенье —

Оно – в превращенье

И в вечном движенье,

В мерцании звезд,

И земном тяготенье.

И я не приму никакого решенья,

Я просто сольюсь с непрерывным круженьем.

Сольюсь с мотыльком...

Я его не спрошу, для чего он рожден,

Хоть мал и незначен – он просто прекрасен,

Прекрасен в раскраске, в дрожащем круженье,

И в этом, лишь в этом его назначенье!

Оно – в красоте, хоть живет он неделю...

Но странное дело:

Личинка-урод проживает годами,

Чтоб выкинуть радугу крылышек в небо

На срок столь короткий!

Я буду природой,
Я буду травинкой – одной, а не лугом!
Они друг без друга
Настолько ничтожны,
Но вместе рожают зеленое море,
И в каждом живет назначенье природы.
Сольюсь с биоритмом!
Сегодня мне можно,
Ведь я – единица, как эта травинка
Чего-то большого.

1977

Первой жене

Любимая!

Я рисую ресницы,

Я рисую слезы.

Они упали на холст

И оставили след росы,

Пролитой не обо мне...

Они не высохнут.

Любимая!

Где ты была раньше,

Зачем позволила мне целовать чужие губы,

Говорить ненужные слова.

Любимая...

Почему разрешила

Разливать мою любовь по чашечкам,

Как кофе,

И подслащивать его сахарком,

Чтобы не чувствовать горечи...

Любимая...

Ко мне из прошлого летят черные совы

И царапают сердце крыльями...

Любимая...

Расставь силки!

Не сможешь?

Перепиши мелко исписанный лист моего прошлого

Голубой акварелью!

Не сможешь?

Черное все равно проступит

Сквозь лазурь...

Любимая...

Заполни чистый лист моего будущего солнечными лучами!

Сможешь?

Любимая!

Я полон сил!

Я полон плодородной земли,

Мое я наполнилось смыслом

Радугой стало коромысло...

Любимая...

Я не рожден для славы,

Я хочу счастья!

Любимая...

Почему слово «любовь» пишется с мягким знаком?

Разве оно сентиментально?

Почему нет ни одной удвоенной буквы?

Разве они одиноки?

Любимая!

Придумай новое слово,

Измени правила орфографии,

Ладно?

Любимая...

Почему поэты так любят это слово:

ЛЮБИМАЯ!

1977z.

Огненное скерцо

В мои глаза ударил солнца луч,
И я взглянул на циферблат часов.
Какое утро! Сколько раз я мимо шел,
В свои раздумья углубясь,
Не замечая солнечную вязь.
Хоть сам и был сияньем освещен,
Не замечал его прикосновенья.

Я был готов дать клятву, что теперь
Как можно чаще стану просыпаться,
Чтоб приоткрыть на время в сказку дверь,
Хоть знал, что груз заботы серых дней
Мне не позволит от подушки оторваться.

Что я увидел? Где-то вдалеке,
Как раз напротив моего окна
Стоял домина, серый неприглядный,
Дитя стандарта, короб заурядный,
Беда эпохи типовых проектов,
Предельно чуждых творчеству поэтов.

И вдруг, О, чудо! Из его окна
Ударил солнечный поток огромной силы,
Как будто солнце попросту взбесило,

Что разменялось, разбросав лучи,
Так равномерно, так однообразно,
Что люди перестали их ценить.

Как будто вся энергия титана
Вместилась в этом солнечном таране,
В стремительном движении меча...
Но это был лишь рикошет луча
И отражение солнечного диска.

А люди спали около окна,
И знал я, не видали никогда,
Как из квартиры их светил прожектор яркий,
И светлым восхитительным подарком
На миг окрасил комнату мою.

Но время шло, и гаснуть стал пожар.
Как угли брошенного полночью костра
Уж озарились утренней игрою другие окна...
Сказка стала меркнуть,
Разлив себя по многим очагам...
Я недвижим был, все еще дыша
Прошедшею минутой, словно ждал
Продленья чуда огненного скерцо.

1977 г.

Юг или север

Скажи, что ты любишь?
Ландыш или магнолию,
Величаво-огромную,
Чей запах сгущает воздух.
(Правда, можно погибнуть,
С букетом ночуя в комнате)
А ландыш – что он —
Цветок лечебный,
Знавший бисер росинок,
Майская к травам начинка.
Скажи, что ты любишь?
Северный край озерный
В обрамленье болот
И камней ледниковых
Или Черное море,
Льда не знавшее,
Баловень солнца и зноя.
Разве можно сравнить кипарис
С горбатой карельской березой?
Скажи, что ты любишь...

1977г.

Визит поэта к своему второму я

Вечер, моросит промозглый дождик...
Осень, осень,
Уж асфальт забыл тепло и ласку солнца,
Травы мокнут, травы утопают
В запоздалой бесполезной влаге...

Дом уснул.
Я вглядываюсь в окна,
Узнаю квадрат моей квартиры.
Не горит.
Печальная картина,
Фон его темней, чем серость дома.
Что случилось?
Света нету, что ли?
Или пусто в доме, никого?
Или там мое второе я
Спит осенним и тяжелым сном?
О, тогда дела мои плохи...

Я звоню... молчанье... вновь звоню,
Вновь трезвоню в колокол души.
Тишина, наверно все же спит...
Нет, чуть слышны сонные шаги...
Открывает:

– А, пришел, двойник!
Что ж, зайди,
Но только не поможет!
Мне ночной некстати разговор,
Даже твой суровый приговор
Сладкий сон мой вряд ли потревожит.
Лучше сам засни спокойным крепким сном,
Стал тяжел я нынче на подъем.

Я молчу.
И что могу сказать
Сонному, медлительному я...
Грустно, что люблю его, люблю,
Хоть гораздо чаще ненавижу
От бессилья и от слабости своей.
Он – мой враг – милее всех друзей!
Ждать? Но сколько, ведь проходят годы,
Я ж стою, у моря жду погоды...

Погоди ж, я сон твой растревожу,
Ты еще попляшешь у меня...
Но пока что спит второе я.

1977 г.

Вдохновение

Всеждушим микроскопа оком
Из яви, время прободая,
Из дней высасывая соки
Гляжу сквозь пламя, не мигая.
Листочек белый оросится
Значками, точками сознанья,
То панихидой увяданья,
То сна чарующею птицей...
А значит, что-нибудь родится,
Промчится с ликом древних вестниц
По клавишам забытых лестниц,
Меж этажей воспоминанья.
И вот в плену предположений
Ломаю стены странных взглядов,
В дни лунных бликов, восхищений
Иду упиться сладким ядом,
Боюсь и лжи – и голой правды,
Ищу воздушность покрывала,
Чтобы сама не открывала,
Чтоб разобрать лишь очертанья
Полусокрытого сознанья,
Полупотерянного чуда...
И, превратившись в яркий лучик,
Пронзить материальность буден,

Расшевелить мышленья студень,
Окутать пики горной кручи
И... стать игрушкой авторучки...
Но сердца стук в тоннеле гулком
Все громче, громче, я шепчу:
– Господь, храни мою химеру,
Не придави плитой неверья
Едва горящую свечу!
Уж полпути. Крадутся тени
Из яви, чтобы сладкой ленью
Окутать еле слышный шум,
Я жду с тоскою пробужденья
От тихой сладости виденья —
Идет на смену трезвый ум.

Прошло! Видение разбито,
На смену птицам и реликтам
Машины с хохотом и рыком
Вскрывают комнату мою.

1978 г.

Воспоминание

Где ты, где?
В прозрачной воде?
В горючей слезе?
В колючей лозе?
А может – в грозе?
И где-то еще —
Увита плющом,
В забытости встреч...
В усталости плеч...
В ночном кутеже...
В крутом вираже...
И в каждом окне.
В смолистом бревне,
Что тлеет в печи,
И губ твоих след
Растает в ночи,
И вот уж забыл,
А память молчит,
И нет ничего...
Лишь эхо:
– Ушло...

1977 г.

Когда-то

Рука коснется тишины...
И пальцев тоненькие свечи
Нежны,
И сладко верится, что встреча
Произошла,
И шалью серебра на плечи
Легла луна...
Уж было «Здравствуй»
Скоро ли прольется «Прощай»
Я знаю, обещаю, не обещаю, —
Быть по сему, на всякий плюс есть минус...
Уйдешь...
И вскорости поймешь,
Как много значило коротенькое «Здравствуй»
А может быть, и не было его,
А лишь – прикосновения тепло,
Лицо во мраке ночи так бело
И нежное дыханье, что легло
На кожу...
Время унесло
Не расцвело
Во что-то большее
Быть может
Много лет спустя

Тепло руки и ветерок дыханья
Чуть слышимый мотив воспоминанья
Напомнят, пропоют неуловимым голоском,
И станет грустно...
Пусто...

1977

Обращение к осени

Отчего звучание
Грусти, неухоженность,
На душе молчание,
В теле – заторможенность.
Почему из целого
Я дроблюсь на части,
Почему несмело я
На холст сыплю краски.
Отчего щербатая
Вялость, неуверенность,
Отчего проклятая
Самсебяпотерянность?
Мухами засижена
Серость неба влажного
И в листе не вижу я
Голубя бумажного.
Днем хожу, как в сумерках,
Ночью – сплю без памяти,
Где была безудержность —
Там сейчас – подавленность!
Придавила сыростью,
Растерял товарищей...
Ты ко мне – с немилостью,
Я к тебе – с усталостью.

1977 z.

Моему столу

Стол жил, он был одушевленный,
Он с деловитостью салонной
Нес груз спокойных пыльных лет,
Дыша степенной мрачной силой.
Его и время обходило,
Как будто мраморность могилы
На нем оставило свой след.

Он жил безмолвностью чернильниц
С засохшей многолетней пылью,
Забывших поцелуй пера,
Часов усталым хриплым боем,
Давясь бумагой деловою
И подминая под собою
Немую исповедь ковра.

Он раздавал дождем идеи,
Дарил то взлеты, то паденья,
В нем бились небо и моря.
И, развернув хребет усталый,
Он становился пьедесталом,
И наблюдал, как поднимало
Перо явлений якоря.

Он не просил наград за это,
Он был непонятым поэтом
И генератором идей.
Не помышляющий о славе,
Молчун, не признанный по праву
Сносил неверия отраву
И равнодушие людей.

Был праздник, вечер хлеба-соли,
Совсем другой одели столик
Во вкусный, праздничный наряд,
Но гости, принося букеты,
Их в вазы ставили на этом,
Смеялись: – мнишь себя поэтом —
Так принимай цветов парад.

Я видел, в сказочном убранстве
Мой стол как будто улыбался,
Произнося чуть слышный стих.
И в лунном свете дивной ночи
Бумаги пыльные ворочал
И восхищенно пялил очи
В застывший фейерверк гвоздик.

1977 г.

Русалка

Русалка пела песню
Про городок картонный,
Про карточный домишко,
О том, как храбрый гномик
Ягу перехитрил,
О том, как пели птицы,
О чем молчали рыбы,
О том, как засыпают
В долинах великаны,
О том, как среди снега
Рождаются цветы.

А море отбивало
Пленительные такты
Чудесным метрономом,
В котором звук пружины
Был заменен прибором,
Что был стократ живее,
Чем стая белых чаек
Над пеной кружевной.

В нем жили звуки флейты,
И скрипицы Гварнери
В руках у Паганини,

Был серп луны Куинджи,
Была воздушность шали
На шляпке Фрези Грант...
Все тише звуки песни —
И вот почти пропали,
И песня переходит
В неувовимость бликов,
Неслышимых ушам,
Доступных только сердцу...

И вот уж мой рисунок
Становится свечою
В руке моей русалки,
Что плавно уплывала
Во взбитых сливках пены,
Рожденной горизонтом
На стыке моря с небом
В сияющие дали
Последнего «прости»,
Что пела я так мало,
Что звук был так волшебен
В сопровожденье моря,
Что приплываю редко
К тем берегам зовущим,
Придуманнм из глины
Тепла и откровенья
И из песка, что долго
Наслаивали ветры
Из стран мечты и грез.

1978 z.

Великаны и лилипуты

Почему же великаны сторонятся лилипутов?
Почему же лилипуты так не любят великанов?
Лилипутом быть удобней,
Им родиться много проще,
Лилипут в нору любую
Может шмыгнуть без труда.
Меньше кожи и ватина
Для одежды лилипутьей,
Меньше нужно для желудка,
Мало надо для ума.
Лилипуту много проще
Заручиться нужным словом
От влиятельного дяди,
Занимающего пост,
От делишек лилипутских
Спрос такой же лилипутский,
От чего ж такая зависть лилипутов доняла?
Сколь труднее великанам
В нашем мире лилипутьем,
В двери тело не протиснуть,
Задевать луну плечами,
Видеть с птичьего полета
Край огромный под ногами,
И бояться ежечасно лилипута раздавить!

А они большою сворой
Ждут, когда же поскользнется,
Чтоб покрыть его своею
Муравьиной кислотой,
Затоптать, сравнять с землею,
Или, если согласится,
На Прокрустовое ложе, торжествуя оттащить.
И степенно, деловито
Поубавить габаритов,
Поместить его под рамки,
Подогнать под свой размер.
И тогда потомки скажут:
– Был великим человеком!
Сколько знаний дал он людям,
Сколько с неба звезд достал!
Жалко только – поскользнулся,
Тяжело им, великанам,
Тяжело носить с собою
Столь тяжелый интеллект.
Пусть теперь он спит спокойно,
Мы дела его продолжим.
И засея за стол огромный,
Сервированный отменно,
Мозг срубаят великаний,
Запивая газировкой,
Чтоб не мучатся проблемой,
Как с ним дальше поступить.

1978 г.

О славе

Хочу попасть в энциклопедию!
Сверну ка, что ль, хребет медведю я,
Как йог прилягу на гвоздях,
Добуду золото из меди я,
О йети фильм сниму в горах.

Я, чтоб попасть в энциклопедию,
Готов всю жизнь ломать комедию:
Храм подожгу, как Герострат,
Открою новое созвездие
И посажу волшебный сад.

И лучше, чтобы с фотографией...
Стать крестным папой грозной мафии
И, возвышаясь над толпой,
Концерны доведу до краха я,
Своих врагов сравняв с землей.

И правнук, взяв энциклопедию,
Найдет занятнейшие сведения,
Что был я гений с юных лет,
Оставил ценное наследие
И улыбнется мой скелет.

1978 z.

Пустота

То, вдруг, начну писать стишок,
Пустой, как глиняный горшок,
А то, вдруг, суше, чем сучок,
А иногда, как светлячок,
Чей желтоватый огонек
Так различим во мраке ночи,
Но ясной слабостью своей
Предмета осветить не может,
Убогий пасынок огней,
Чей свет неоновых лучей
Во много раз его мощней,
Но сердцу чуткому дороже
Ночной попутчик,
Слабый лучик,
Собрат по жизни на земле.
И иногда пишу такое,
Что погибает все живое
В моем стихе и пустота
Плодит растерянность и позу
На фоне белого листа,
И гложет мысль – засесть за прозу,
Чтоб слов из пальца не сосать.

А то проходят дни за днями

И разум, словно в темной яме
Не в силах нового рождать.
Как будто ветер в поле стих...
Так появился этот стих

1979 г

Майский сонет

Куста испуганный скелет
Зеленой накипью подернут,
Последний снег в рулоны свернут,
Предсмертно корчась на земле.

Как напрягает для рывка
Штангист спины мускулатуру,
Деревьев мощные фигуры
Ждут взрыва клейкого листка.

Природе в муках родовых
Нести недолго мая бремя,
Недолго ждать гонцов своих.

И сонмы первенцев слепых —
Все новоявленное племя —
Прозреет, солнцем лик умыв.

1979 г.

Ничего не случилось

Ничего не случилось. Кто-то
Намылил шею, оправил лезвие.
Электробритвой бриться быстрее,
Опасной – полезнее
На салфетку какао пролилось —
Вот невезение.
Заливается в парке скворец.
Звонкий лета гонец
Своего не имеет голоса,
Подражая с усердием равным
И дрозду и кошачьим возгласам.
Незнакомка с лицом скучающим
Резво тащит венок погребальный,
Из пластмассовых листьев дубовых,
Перевязанный лентой вещающей:
– Спи спокойно в гранитных оковах
Мы тебя будем помнить вечно.
На деревьях проклюнулись листья,
А в Неве подышает рыба,
Майский жук по известным законам
Не взлететь, ни летать не должен,
Но летает на диво ученым,
Попирая науки глыбу.

Ничего не случилось. Но,
Что для события нужно?
У соседа собака взбесилась,
Ребенок закашлял простужено,
Очень быстро забыли вместе мы,
Как сжигали в печах невинных,
И гораздо серьезней бедствие,
Если вам прихватило спину.

Дождь прошел, пролетело лето,
Мимо жизнь не спеша проходит,
То приходят друзья, то уходят...
Скоро в моду войдут жилеты,
А башмак на платформе отходит...
Как бы что-то в ЮАР происходит...

Мне дано совершить заклинание:
– Стоп, мгновение, ты прекрасно!
Но считаю минуты напрасно —
Не мое это видно призвание.

1979г.

Зеркало

Я вижу все! Мне дан чудесный дар!
Подвластна взору каждая деталь,
Что, разрастаясь веером событий
Сквозь череду сомнений и открытий
Уносит ум бесстрастный в мир иной,
В тот, что зашторен времени стеной,
Подсвеченный невидимой свечой,
Пронзенный неродившимся ручьем,
Текущим странной мыслью «ни о чем».

Но не послушан что-то кинескоп,
Неудержим на стенке каждый кадр,
Мгновенье – и рождается потоп,
Смола преобразается в янтарь,
И волны ткут безлюдность побережий
Прозрачную ажурной кисеей,
Играя с застывающей слезой
Могучих сосен, весело и нежно.

Но вот щелчок – и временной поток
Уносит чуть пробившийся росток.
И блекнут краски, угасает день,
В разбитых окнах бродит чья-то тень...
Январский апокалипсис сирен...

Замерзший хлеб, костлявая ладонь...
И чье-то изможденное лицо —
Не разобрать, туманное кольцо
Сомкнулось, на секунду темнота,
Сродни молчанью чистого листа...
Мелькают кадры, пляска палачей —
И мысли нет – откуда и зачем,
Не поспеваю. Где-то надо мной
Струятся волны к млечному пути,
Чтоб здесь крупицу разума найти,
И наделить извечной добротой,
Раздав всему живому понемногу...
Безбрежна ночь, но лунная дорога
Чуть-чуть рябит, расплывчато и робко,
Маяк, ведущий судно в никуда,
К преддверию незримого порога...
И вот цветами убрана вода:
Вдоль берегов с цветущими кустами
Плывет дитя, и лилий полотно
Расступится пред слабыми руками.
Затылочка белесое пятно
Включает новый поворот сюжета,
Зовет в мечту и не дает ответа,
Таинственного детства существо
Трубит о том, что жизни торжество
Бурлит ключом волшебного июля.

Раскрыты карты, выпито вино,
Дрожащий воск струится на сукно,

Жизнь вдруг покрылась коркою больной...

Сгустился сумрак, застывает кадр,
Пока еще зашторено окно
И не причем здесь мой особый дар.

1979 г.

Расчленитель радуги

Я – расчленитель радуги,
С утра работенка выдалась
Вроде б и солнышко выпалось
То-то потешусь-порадуюсь!

Мне не впервые, молодцу,
Разбирать, расчленять обучены!
Где у Венеры рученьки?
Оттяпали их для опыта!

Тихонько, без шума и копоти
Почистили недра Акрополя,
А сколько следов понатопали!
В крапинку и полосатых...
На мясо рук волосатых
Натянем резину перчаток!
Дела тут – край непочатый:
Где мой портфель с инструментами?
Что б эта штука-радуга
Всех просвещенных радовала
И восхищала моментами
В ней покопаться следует!
Где побелить и подкрасить,
Где – отпилить и подмазать,

Спектр гвоздем поисследовать...

Что это? Тень набежала!
Солнышко в небе слизала.
Где ж ты? Пропала зараза!

На эту последнюю фразу
Дождик ответил по-своему,
Вымочив умную голову
Специалиста фигового.

1979 г.

Полумен

Не гениален,
Но пунктуален,
Во всем размерен —
Часы сверяйте,
Не вою зверем,
Я современен.

На «ты» с друзьями,
Всегда подтянут,
С маман – натянут.
Слегка ругаю
Основы «измов»,
Не аморален,
Знаком с Логидзе-
Зав ресторана,
Не ноет рана
И нету шрама.
В анкете чисто.
Знаком с артистом,
Не знаменитым,
Но даровитым.

Набор хиповый:
«чувак», Пинк Флоид,

Набор для света:
Пуленк, Феллини.
Названия фильмов...
Фрейд, Кобо Абэ...
Пластинка АББА.

Набор для дома:
Жена с дипломом,
Сиамский котик,
Цветные фото из секс-альбома —
Семнадцать пикчерс...
(Для близких)
Бутылка Плиски —
Три дня, как вскрыта,
Пустая «Винстон» —
(Никак не бросить
В помойный ящик)
Сам – некурящий.
Журю мещанство.

1979 г.

Осеннее

Заря обиделась
Ушла, как канула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.